

— Пройдёмте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! — произнёс Шенк, окидывая смельчака пронизательным взглядом из-под густых нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлёк его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я, — ответил молодой человек. — Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать — беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками — грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но лёд ещё крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твёрдо убеждены в её существовании.

— Это неубедительно! — заметил Шенк. — Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль, — не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

— Кроме того, Толль, до высадки на остров Беннетта, тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие видевшие её, но не точно оценившие расстояние, — возразил молодой человек.

*Фердинанд Петрович
Врангел*

Российский мореплаватель и полярный исследователь, описавший побережье Сибири от реки Индигирки до Чукотки.

*Эдуард Владимирович
Майгель*

Российский морской офицер и исследователь. Изучал гидрологию и метеорологию Северного и Баренцева морей, у побережья Новой Земли, был начальником метеорологической службы на Дальнем Востоке.

ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРОД

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далёкого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим учёным и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принялся за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшёльд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Северной Сибири в районе мысов Иркайпий, Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углублённые в почву и с кровлей из китовых рёбер, присыпанных землёй. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и проч., нередко даже ещё с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была

Г. Н. Чернышев

Эскимосы

СЕВЕРНЫЕ НАРОДЫ

На северном побережье Европы, Азии и Америки живёт более 40 коренных северных народов — чукчи, эвены (ламуты), якуты, ненцы, ханты, алеуты, саамы, эскимосы и многие другие. Численность каждого из этих народов обычно не превышает 30–40 тысяч человек. Несмотря на то что уклад жизни, жилища, обычаи, традиции этих народов и даже внешние черты близки, говорят они на разных языках и часто не могут понять друг друга.

Жители Севера занимаются охотой на морских животных (тюленей, моржей, китов) и рыбной ловлей, добывают птицу и пушного зверя, разводят оленей. Мясо идёт в пищу, а из шкур делают одежду, обувь и жилища.

Алеуты

кровавая распря на почве родовой мести между их вождём Крэхоем и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и наконец на пятнадцати байдарках они уплыли на землю, горы которой видны вдаль в Ледовитом океане с мыса Якан (то есть на остров Врангеля).

«Сведения довольно скудные и противоречивые, — подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. — Во всяком случае, интересно: куда девался этот народец?»

В течение следующих дней Шенк, согласно «обещанию нащупать почву в академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного учёного, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать деньги какому-то фантазёру было бы неосторожно и выхлопотать таковые неудобно.

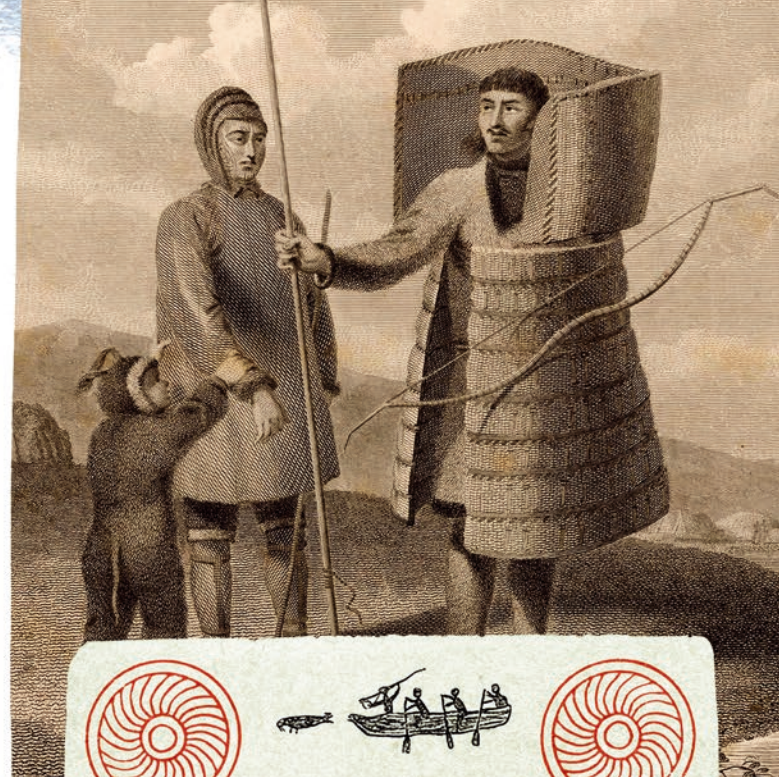
В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы. Он решил, что тысячей — другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что же, — подумал он, — инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дольше года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдёт эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся».

Феодосий Николаевич Чернышёв

Прототипом академика Шенка, возможно, послужил академик Феодосий Николаевич Чернышёв, геолог и палеонтолог. У него был опыт организации и проведения полевых исследований на Новой Земле и Шпицбергене, так что он не понаслышке знал, что такое полярная экспедиция.

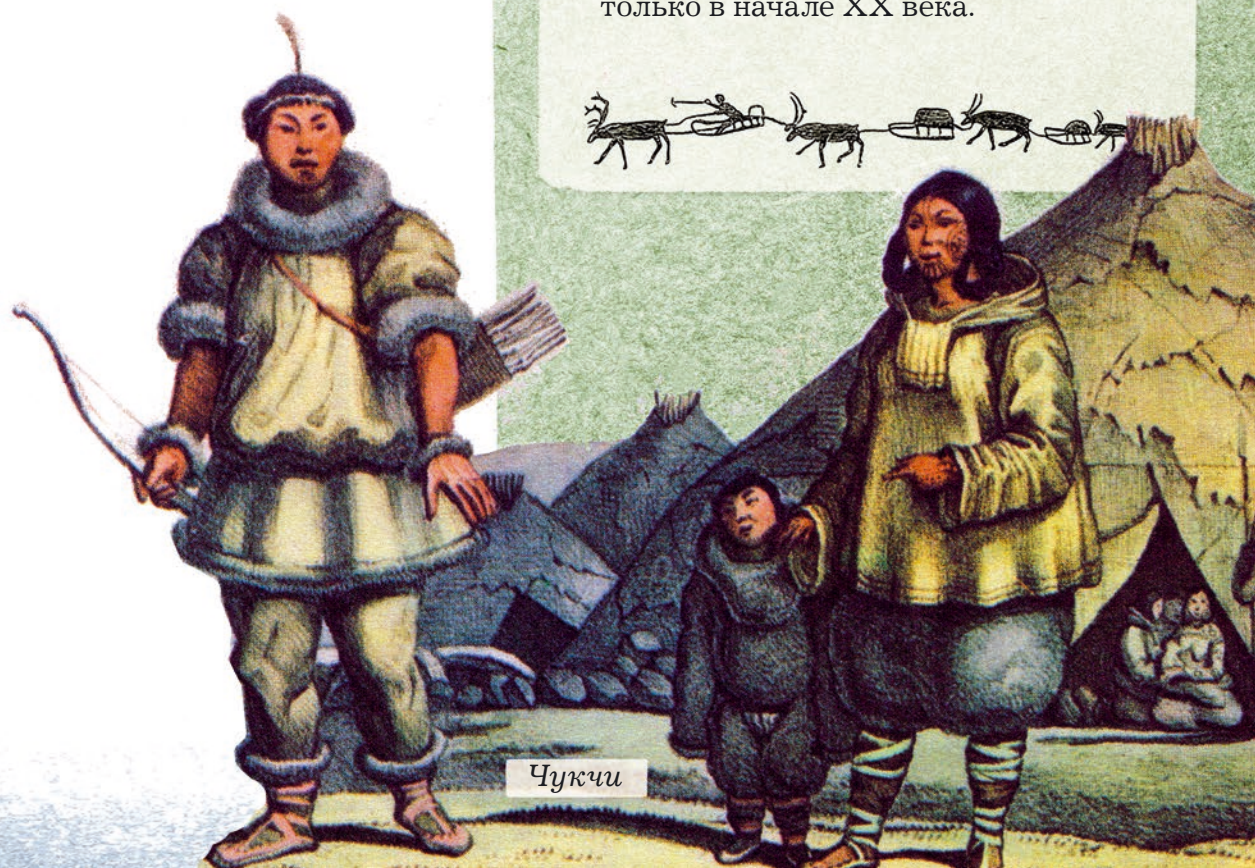
Чернышёв был выдающимся учёным, но коллеги запомнили его ещё и как человека, всегда готового поддержать молодых исследователей.

ЧУКЧИ

Чукчи — коренные жители Чукотки и Колымы. Они разделяют себя на оленных (или по-чукотски «чаучу» — «богатый оленями») и приморских — анкалынов (от чукотского «анкы» — море).

Когда Российская империя начала осваивать земли Сибири и Дальнего Востока, чукчи оказали ожесточённое сопротивление. В 1747 году чукчи нанесли серьёзное поражение отряду майора Павлуцкого, вошедшего в чукотские мифы как злой демон Якунин. Окончательное присоединение Чукотки к России произошло только в начале XX века.

Чукчи

СТОЯНКИ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ В АРКТИКЕ

На острове Жохова, расположенном на севере Новосибирских островов, было сделано немало интересных открытий. В почве острова обнаружены многочисленные останки мамонтов, носорогов и лошадей. Это говорит о том, что много лет назад климат на острове был куда более благоприятным для жизни, чем сейчас, когда на островных скалах можно встретить только прилетающих на лето птиц да белых медведей и песцов.

В начале XXI века археологи изучили стоянку людей, живших здесь примерно **8000 лет назад**

Во время раскопок исследователи нашли изделия из дерева, камня, бивней мамонта и бересты. Выяснилось, что древние люди разводили собак и охотились на оленей, песцов и белых медведей — кости этих животных были обнаружены в древних кострищах. Учёные установили, что эти люди оказались близки к современным народам, населяющим север Урала и Западной Сибири.

ДЕЛО НАЛАЖИВАЕТСЯ

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его. — Я перечитал всё, что известно об онкилонах, — сказал он, — и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остаётся думать, что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на островах, там были бы найдены в изобилии их кости, — возразил собеседник. — Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

— Так где же они, наконец? — воскликнул Шенк. — Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова — там же, куда летят перелётные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

— Да, если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться на эту землю или по воде, или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжёлый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всём протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остаётся более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча — а они достаточно смелый народ — не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя!

— Всё это совершенно справедливо вообще, — спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. — Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с тёплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну конечно, я это знаю! — заметил Шенк.

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова — там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну хорошо!

— Они нашли, что место это плохое для жизни, мало зверя, птицы и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетающие большими стаями

на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим и море замёрзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живёт в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, — живёт, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

— В первом я убеждён, второе считаю единственно возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Толль, — это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остаётся искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

— Я бы поехал охотно и нашёл бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега надёжных спутников.

— Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

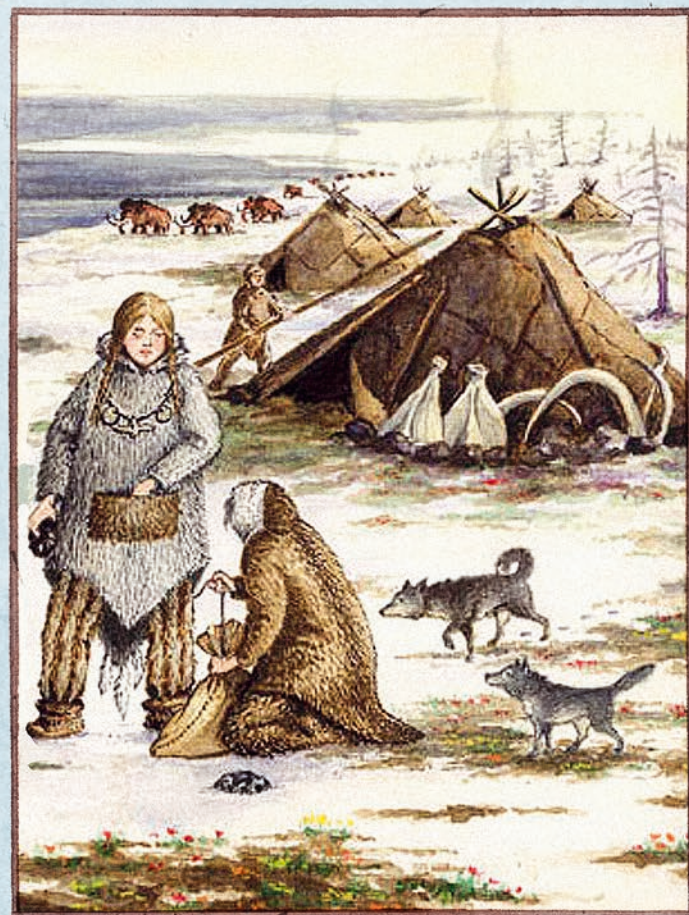
— У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиции, конечно платонически, потому что денег у нас нет, кроме скудного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдаёт своим пленникам. Мы живём совсем как туземцы — охотой, рыбной ловлей. Оба товарища — люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас, и мы закалились. Кроме того, я бы взял двух промышленников, не раз бывавших на Новосибирских островах, имеющих собак и снаряжение, опытных в путешествии по льду.

— Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

— Ранней весной мы бы перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад и попытались бы немедленно, пока лёд крепок, идти дальше на север.

— А если море окажется не замёрзшим, в чём едва ли можно сомневаться?

— На этот случай у нас будут две лёгкие байдары, поставленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое пространство. Оно не может

*Стоянка на острове
Мохова — самый северный
след доисторического
человека в мире*

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

Подготовка экспедиции — долгий и трудный процесс, в котором важно учесть каждую мелочь.

I Руководители экспедиции должны изучить все известные о районе работ материалы — карты, особенности климата, морских течений, геологии, растительного и животного мира.

II Нужно собрать надёжную команду. Каждый участник должен не только быть физически выносливым и хорошо знать своё дело, но и многое уметь. В пути потребуется готовить еду, ремонтировать снаряжение, ставить лагерь, запрягать собак, помогать матросам на палубе и многое другое. Находиться долгими месяцами, а то и годами, вдали от дома нелегко. В любой экспедиции важна не только строгая дисциплина, но и добрые товарищеские отношения участников. Если два члена экспедиции случайно поссорятся, то уйти им будет некуда и придётся любой ценой налаживать отношения.

III Должно быть во всех деталях продумано и подготовлено научное оборудование. Ценность экспедиции определяется её научными результатами — записями наблюдений, дневниками, картами, отобранными образцами.

IV Очень важно тщательно подготовить снаряжение, начиная от самого судна и кончая иголками и нитками для ремонта одежды, ведь любая оплошность, допущенная при подготовке, любая случайно забытая вещь может вдали от цивилизации привести к трагедии.

V Нужно рассчитать и собрать с запасом необходимое количество продуктов, учитывая то, что в условиях Заполярья человеку нужна калорийная еда и витамины, особенно витамин С, защищающий от опасной северной болезни — цинги. В экспедицию на «Фраме» было взято 52 вида консервированных продуктов, не считая муки, круп и разных вкусоностей.

ДЕНЬГИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века можно было потратить на еду 50 копеек в день и не остаться голодным. Например, фунт мяса (около 450 грамм) стоил 22 копейки. Ездовая собака стоила до 10 рублей. Так что денег, выделенных Шенком, вполне хватало на экспедицию.

быть широко — близ земли всегда есть лёд. Дальше пойдём опять на нартах до этой земли, исследуем её, а в конце лета обратно тем же путём.

— Но тогда открытое море будет очень широко, и на ваших байдарках с тяжёлым грузом вы погибнете, без всякого сомнения. В конце лета уже часты пурги.

— Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдём обратно ранней весной.

— А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас...

— Ну конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы наготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

— Но предположим, что вы никакой земли не найдёте?

— В таком случае мы немедленно вернёмся на Котельный, проведём на нём лето и осенью, как только море станет, переберёмся на материк. И на этот случай, по моему убеждению маловероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

— Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

— Я думаю — не так много. Мы трое не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придётся платить, но они люди скромные. Главный расход — собаки, их корм, нарты, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже приценивался здесь и в Казачьем и думаю, что тысячи две, две с половиной нам хватит.

— Да, сумма небольшая!

— Нарты на севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь нарты наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю, лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним — здесь это лучше и гораздо дешевле. Всё прочее — на месте.

— Ваш план мне нравится, — сказал Шенк. — И я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно — также мелких животных и записи о флоре, фауне и климате. Ну конечно, и об онкилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

— Надеюсь, что справимся. Мы все, конечно, не заправские учёные, но подготовку имеем; один из нас немного геолог, другой ботаник, а я интересуюсь больше животными и человеком.

— Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений — барометр, термометры, компасы и прочие — я добуду вам из академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, если вы её найдёте, — улыбнулся Шенк, — и сделать хотя бы грубую съёмку её очертаний и пути к ней.

— Разумеется. Съёмку я могу взять на себя. Но определение широт и долгот? Этому мы не обучены.

— Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной физической обсерватории. Я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

— Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

— Обыкновенно туда ездят в апреле.

— Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже идти через море к Земле Санникова, пока лёд ещё прочен.

— А в один месяц вы успеете заготовить и закупить всё, что нужно?

— Да, я справлялся в мастерских. Нарты будут сделаны в две недели, закупить прочее я успею в это же время и вместе с тем могу посещать обсерваторию.

— Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет ещё много хлопот.

— Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Олёмминск, почтой в Казачье, чтобы товарищи начали готовиться — закупают собак, одежду, собачий корм.

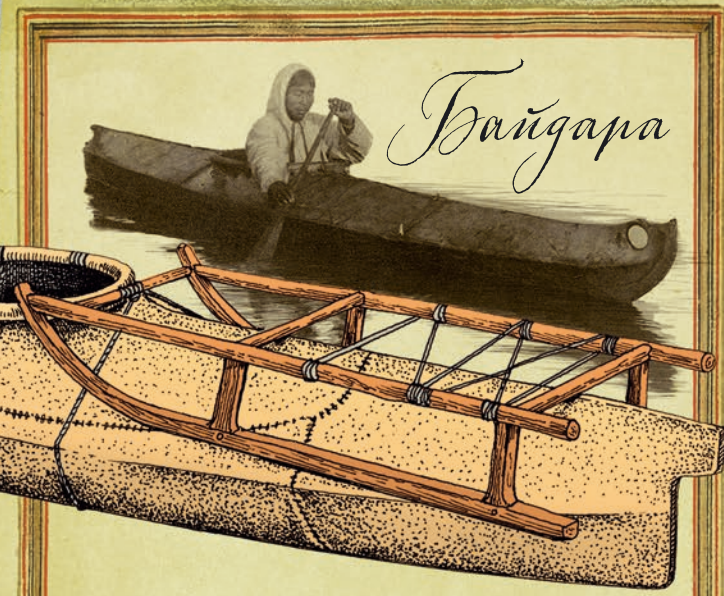
— Но ведь денег у них на это нет?

— Им поверят в долг до моего приезда: нас в Казачьем знают.

Нарта

Собачья упряжка

Байдара

Байдара — лёгкая, но вместительная лодка, используемая эскимосами, приморскими чукчами и алеутами. Лодка имеет деревянный каркас, обтянутый тюленьей или моржовой кожей, и приводится в движение вёслами. На некоторых байдарках бывает мачта, на которую можно поставить парус. Большая байдара вмещает десять человек и груз.

Нарта с собачьей упряжкой

Собачьи упряжки — очень важный на Севере транспорт. Собак кормят только зимой, для чего запасают вяленую рыбу — *юколу*. Летом собаки сами охотятся на мышей, леммингов и другую мелкую живность.

В нарту обычно запрягают шесть — восемь собак. Каждая собака одета в упряжь — *алык*, который крепится к *потягу* — ремню, связывающему собак и нарту. Первым идёт вожак, его задача — выбирать дорогу и следить за порядком в упряжке.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ШИРОТЫ И ДОЛГОТЫ

Как узнать свои координаты, если в вашем распоряжении нет ни спутниковых систем ориентирования, ни радионавигации? Широту ещё в Древней Греции умели определять по расположению звёзд, с помощью астролябии — подвижной карты звёздного неба. Позже мореплаватели научились делать это по высоте солнца над горизонтом в полдень. Для этого использовали прибор под названием секстант. А вот с долготой дело обстояло сложнее. Сначала её вычисляли по затмениям спутников Юпитера. Однако для этого требовался телескоп — не самая удобная вещь в путешествии. В 1567 году король Испании Филипп II даже объявил награду тому, кто придумает другой метод определения долготы. Сама идея лежала на поверхности: решить задачу можно по разнице во времени между нулевым меридианом и точкой нахождения судна. Однако изготовить точные часы, которые не сбивались за время долгого путешествия, удалось только в 1759 году. Создал их мастер Джон Гаррисон. Один из его хронометров до сих пор работает в Гринвичской обсерватории.

— А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупке?

— Рублей пятьсот пока хватит.

— Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду и остальные и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

— Зайдите ко мне через две недели, в это же время, рассказать, как подвигается подготовка.

— Позвольте выразить вам мое восхищение таким быстрым решением вопроса! — воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный. — Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло всё так просто. Вы даёте

большую сумму совершенно неизвестному вам человеку, веря ему на слово.

— Я ещё не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы, — добродушно ответил Шенк. — Я уже помогал не раз в научных предприятиях, и моё доверие очень редко бывало обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я ещё не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищей, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут? Я записываю.

— Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои — Семён Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков, тоже бывшие студенты, первый — университета, второй — технолог. Мы все были высланы на пять лет за студенческие беспорядки в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

— Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

— Мы были председателями сходок и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты — помните, было такое распоряжение, — но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

— А скоро ли кончается срок ссылки?

— Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на родину в Вологодскую губернию под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

— Я вижу, что для вас придётся ещё выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

— Ну, в этом, конечно, не откажут!

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Через месяц Горюнов, снабжённый деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбирающуюся на части, которые в полчаса нетрудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак, что позволяло членам экспедиции совершить переезд через море в два приёма.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Качуг вниз по Лене — длинный и скучный путь по занесённому снегом бесконечному коридору замёрзшей реки между её высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурового края административной ссылки. Дальше путь шёл через низовья реки Алдана и по диким ущельям угрюмого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до её устья, где приютилось на краю света занесённое снегом до крыш село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь; только звёзды, луна и сполохи — северные сияния — освещали путь, если не было пурги.

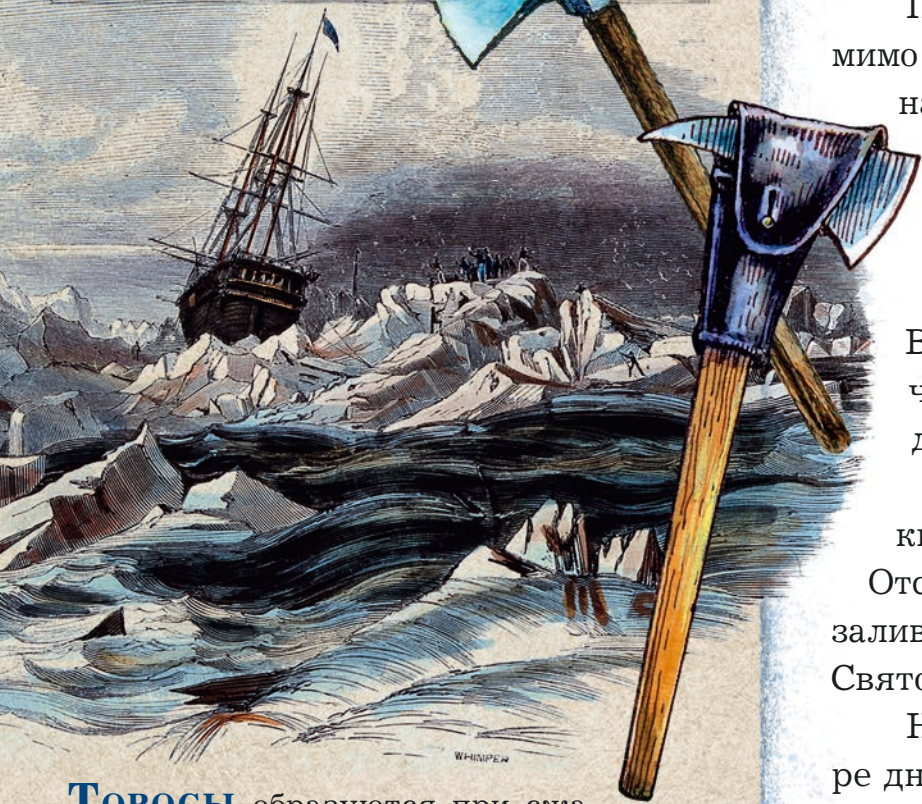
В конце февраля Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи подготовили всё для экспедиции — тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы для людей, полярную одежду, лыжи. Два опытных промышленника — якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров — согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз с экспедицией, искавшей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены и утверждали, что видели её в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трёх товарищей, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить её.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны, выше начала её дельты, под 71° северной широты и у северной границы леса. Несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыш занесены снегом. Только дымки, вьющиеся из труб избышек, да снопы искр, вылетающие из юрт, где топятя чувалы (камины), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жильё

Маршрут экспедиции

Составил М. Горюнов

Торосы образуются при сжатии ледовых полей. Бывает, что торосы выглядят как поле битого льда, по которому крайне неудобно передвигаться. Часто случается и так, что под давлением льдины вздымаются вверх на высоту до 20 метров, образуя ледяные горы. Чтобы преодолеть такое препятствие, путешественникам приходится пробивать проходы и помогать собакам тащить нарты.

Заструг — гребешок из твёрдого слежавшегося снега, образовавшийся под действием ветра. Высота заструга может достигать полутора метров. Часто на открытых пространствах образуются целые поля застругов, затрудняющих передвижение людей и собачьих упряжек.

человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу расстилается бесконечная ровная тундра, зимой — белая равнина, покрытая застругами, то есть плоскими твёрдыми сугробами, созданными и уплотнёнными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахло-го, редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округлённые высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления. И в половине марта, когда день уже продолжался часов одиннадцать, экспедиция тронулась в путь. Путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали ещё пять нарт с каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизии и всякого снаряжения для людей, назначенного для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

Путь шёл на северо-восток по одному из рукавов янской дельты, мимо брошенного поселения Устьянск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня благодаря ровной дороге дошли до устья. Низменная равнина незаметно переходила в поверхность моря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа — мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плавника — деревьев, принесённых Яной с юга и выброшенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькин мыс, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Гороховом стане, на южной стороне длинного мыса Святой Нос, которым кончается материк.

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Торосы (то есть глыбы льда, поставленные стоймя или нагромождённые груды при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, вдающемся между дельтой реки Лены и выступом Святого Носа, были невелики и недлины, так что их можно было объезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, то есть избушки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом — большим неуклюжим камином, который греет, только пока топится. В них по временам жили промышленники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к вечеру прояснилось, и все три путешественника поспешили подняться на плоские высоты Святого Носа,

закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах чёрные скалы базальта, когда-то излившегося в этой местности огненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстиралось застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесённые снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся Большой Ляховский остров — плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где чёрные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилием мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят — семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равнины потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься засветло к стану, где в поварне уже пылал камин, клокотал подвешенный к огню чайник и котел с ужином. На дорожном ящике, заменявшем стол, были расставлены тарелки; ящики поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже всё прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался говор и смех — там расположились каюры пяти нарт, сопровождавших экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряжённых восемью — десятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Святого Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборождённым застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь преграждался грядой торосов, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них протаскивать отдельно, причём люди помогали собакам, одни подталкивая нарту сзади, другие направляя её сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб торосов не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом. Под ударами топоров лед, охлаждённый зимними морозами до 30–40 градусов ниже нуля, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде, ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперёд то быстрее, то медленнее — со средней скоростью около семи километров

Каюр — погонщик собачьей или оленьей упряжки. Он управляет животными и заботится о них, ремонтирует упряжку и следит за состоянием её полозьев. На трудных участках пути каюру часто приходится помогать собакам и не позволять нарте врезаться в торчащий из-под снега камень. Каюр — обычно абориген, который хорошо знает местность и может быть проводником и помощником при охоте и установке лагеря. Это очень важный член команды. От опыта каюра во многом зависит успех экспедиции.

Хорошо обученные, сильные и здоровые ездовые животные — предмет гордости каюра

Мамбей Топионов

в час — и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрягая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привёз из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай, горячий без огня, с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30 градусов из холодного на ощупь сосуда выливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собрались разводить костер, Горюнов подшутил над ними, заявив, что вскипятит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда они повесили свой чайник на огонь, он достал термосы, зарыл их наполовину в снег и через пять минут стал наливать горячий чай изумлённым якутам. Горохов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая лица каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой равниной; видны были отдельные тёмные скалы среди снегового покрова и тёмные пятна в береговом низком обрыве. При закате солнца, преодолев последний торос, покатали во всю прыть — собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завывали в восемьдесят голосов и пустились бежать словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, потому что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через который нарты перетаскивали опять по одной, прежде чем добрались до так называемого Малого Зимовья — избушки, построенной ещё известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, впервые описавшего острова в начале XIX века. Но столетняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только почернели и кое-где покрылись лишаями, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно, и все заботились об исправности её двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже приготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати — не нужно было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из-под снега.

Скоро запылал костёр на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

ДРОВА В ЗАПОЛЯРЬЕ: ЭКОНОМЬ ИЛИ УМРИ

На Крайнем Севере важно умение не только развести огонь, но грамотно его поддерживать. И если на берегах Ледовитого океана можно собрать плавник — выброшенные на берег куски дерева, то в тундре дело обстоит гораздо хуже. В долинах рек растут кусты высотой около метра, редко в два-три метра. Толщина веток — с карандаш. Но проблема не в толщине, а в том, что среди этой засыпанной снегом растительности трудно найти сухую древесину. Зелёные же ветки в походной печи горят плохо, а в костре и вовсе только дымят. Правда, тундровые чукчи умели и зимой находить сушняк — например, на берегах рек, куда сломанные ветки приносила вода, — но за дровами им приходилось ездить специально, запасаясь сразу на несколько дней. При этом чукчанки могли — да и в наши дни могут — поддерживать в очаге небольшое пламя, которое почти не даёт дыма, но способно вскипятить чайник или котёл воды для бульона. Этому искусству девочек обучают с детства.

Ну а в переходах по морскому льду и аборигены Севера, и европейцы нередко использовали в качестве топлива жир убитых морских животных. Порой это спасение, но приходится мириться с тем, что, сгорая, такое топливо покрывает копотью всё вокруг, включая лица путешественников.